

Фёдор Абрамов

«НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ ПЕРВУЮ ВСТРЕЧУ С УЧИТЕЛЕМ»

Вопрос о школе, о сельской школе в особенности, принадлежит, несомненно, к самым сложным и важным проблемам нашего времени, я бы даже сказал, к проблемам века. И «Комсомольская правда» делает поистине благородное дело, постоянно обращаясь к жизни школы, к вопросам преподавания, подготовки учителей, заинтересованности учащихся.

К сожалению, на все вопросы анкеты я ответить не могу: у меня давно уж нет живой связи со школой.

Едва ли сейчас целесообразно распространяться и опыте сорокалетней давности той, впервые созданной в сельском районе, школы, которую я окончил, да где – в глухом лесном краю, в 400 верстах от ближайшего города.

Скажу только одно: при всех недостатках сельской школы – и тогда, и ныне – я бы и сейчас ни за что, ни в коем разе не променял её на городскую. Ибо природа, национальный уклад жизни, народная культура и язык, которые в наиболее первозданном виде сохранились в деревне, – всё это имеет неоценимое и ни с чем не сравнимое значение для этического и эстетического воспитания личности.

Я приветствую всякий деловой и конструктивный разговор о школе. С интересом читаю статьи об организации учебного процесса, о программах, о профессиональной ориентации учащихся, но первейшая роль в школьном деле, конечно же, принадлежит учителю. Именно от его таланта, от масштабности и богатства его личности, от его душевной щедрости во зависти духовный климат школы, тот нравственный тип человека, который она выращивает. И тут мне хочется вспомнить о своем незабвенном учителе – Алексее Фёдоровиче Калининцеве.

Жизнь не обделила меня с так называемыми выдающимися людьми. Я слушал лекции у знаменитых профессоров и академиков, которые стали гордостью отечественной науки, я общался и общаюсь с крупнейшими писателями, художниками, артистами страны, мне не раз доводилось беседовать с государственными и партийными деятелями. Но никто, ни один человек не оказал на меня столь могучего нравственного воздействия, как сельский учитель Алексей Фёдорович Калининцев.

Всё поражало нас, школьников, в этом немолодом уже человеке. Поражали феноменальные по тем далёким временам знания, поражала неистощимая и в то же время спокойная, целенаправленная энергия, поражал даже самый внешний вид его, всегда подтянутого, собранного, праздничного.

Никогда не забуду свою первую встречу с Учителем.

Был мартовский воскресный, морозный и ясный, день 1934 года, и я, четырнадцатилетний деревенский паренёк, с холщовой котомкой за плечами, в которой вместе с белышком была какая-то пара ячменных сухариков (тогда ведь была карточная система – 300 граммов хлеба на иждивенца!), в больших

растоптанных валенках с ноги старшего брата, впервые в своей жизни вступил в нашу районную столицу – Карпогоры. Тогда это было обыкновенное северное село, но всё мне казалось в нём удивительным: и каменный магазин с железными дверями и нарядной вывеской, и огромное, по моим тогдашним представлениям, здание двухэтажной школы под высоким, мохнатым от снега тополем, где мне предстояло учиться, и необычное для моей деревни многолюдье на главной улице. Но, помню, всё это в миг забылось, перестало для меня существовать, как только я увидел его, Алексея Фёдоровича.

Он не шёл, он шествовал по снежному утоптанному тротуару, единственный в своём роде – в поскрипывающих на морозе ботинках с галошами, в тёмной фетровой шляпе с приподнятыми полями, в посверкивающем пенсне на красном от стужи лице, и все, кто попадался ему навстречу, – пожилые, молодые, мужчины, женщины, все кланялись ему, а старики даже шапку с головы снимали, и он всякий раз слегка дотрагиваясь до шляпы рукой в кожаной перчатке, отвечал: «Доброго здоровья! Доброго здоровья!»

Такого я еще не видывал. Не видал, чтобы в наши лютые морозы ходили в ботинках, в шляпе, чтобы все от мала до велика так единодушно почитали человека.

Да, Алексей Фёдорович умел поддержать свое реноме народного учителя: самая обычная прогулка по райцентру у него превращалась в выход, но, конечно, великую любовь и уважение к себе моих земляков он снискал прежде всего своим беззаветным, поистине подвижническим служением на ниве народного просвещения.

Еще задолго до революции окончив учительскую семинарию, он, наделенный незаурядными, а может быть, редкими, даже исключительными способностями сознательно, по убеждению, пошел, как говорили тогда, в народ и вот свыше четверти века учительствовал у нас, на Пинежье, в одном из самых глухих районов Архангельской области.

Не буду говорить обо всём, что он сделал за свою жизнь. Да это и невозможно в рамках газетной статьи. Ведь помимо чисто учительской работы он еще многие годы занимался ликвидацией неграмотности среди взрослого населения, постоянно выступал с лекциями и беседами на самые разнообразные темы. А самодеятельный драмкружок при районном клубе? А первый струнный оркестр в райцентре? А школьный опытный участок, который долгие годы был рассадником агрономических знаний среди крестьян? Всё это и ещё многое, многое другое было делом рук его, Алексея Фёдоровича. Воистину он был первым воином и знаменосцем у нас, на Пинеге, того великого движения 20-30-х годов, которое принято называть культурной революцией.

Та же многогранная, та же разносторонняя деятельность характеризовала Алексея Фёдоровича и как преподавателя.

В тридцатые годы в стране не хватало учителей, тем более на вес золота были они у нас, в лесной глуши. И вот Алексей Фёдорович для того, чтобы не сорвать в школе учебный процесс, годами осваивал предмет за предметом. Он

вёл у нас и ботанику, и зоологию, и химию, и астрономию, и геологию, и географию, и даже немецкий язык. Немецкий язык он выучил самостоятельно, уже будучи стариком, выучил с единственной целью, чтобы дать нам, первым выпускникам школы, хоть какое-то представление об иностранном языке.

А как назвать, какой мерой измерить то, что он делал для нас как преподаватель дарвинизма! Один-единственный учебник на весь класс! И всё же мы знали предмет, знали учебник. По конспектам, составленным Алексеем Фёдоровичем.

Чтобы понять, что это был за труд для нашего учителя, я должен заметить, что ему нелегко было выставлять даже отметки в классном журнале. Старая, поражённая ревматизмом рука его при этом тряслась (я и сейчас, спустя сорок лет, слышу это потрескивание пера в напряжённой тишине затаившего дыхание класса), подслеповатые, близорукие глаза только что не бороздили лист бумаги, и всегда сияющая, словно излучающая свет его лысина становилась малиновой от натуги. И вот как, когда, каким образом этот полуинвалид-старик мог написать конспект очередного раздела учебника, который мы проходили, да ещё не в одном экземпляре, а в пяти, да с рисунками, это для меня и доселе остаётся загадкой.

Хорошо поклониться святыне! Человеку это нужно в любом возрасте, в любом звании. И я завидую, безмерно завидую тем, кто может постоять с обнажённой головой у могилы своего любимого учителя. Мы, пинежане, сделать этого не можем. Мы, пинежане, не уберегли нашего Учителя. Он пал жертвой подлой клеветы и наветов, и мы даже не знаем, где и как окончил он свои дни.

Алексей Фёдорович Калининцев – явление, конечно, необычное. Самородок, подвижник, русский интеллигент в самом высоком значении этого слова. И звать к тому, чтобы все учителя были Калининцевыми, – бессмысленно. Но одно мы вправе требовать от каждого учителя – преданности своему делу. А преданность и энтузиазм возможны только при одном условии – при условии, что в педвузы будут принимать людей по призванию. Понятно, этого принципа должны придерживаться все вузы без исключения, но пединституты, думаю, – в особенности.

Другая мысль, которая сама собой напрашивается, когда я обращаюсь к светлой памяти моего Учителя, мысль, впрочем, тоже не очень новая – о пополнении нынешней армии учителей мужчинами.

Сейчас постоянно слышишь: дисциплина в школе упала, авторитет учителя пошатнулся. А почему? Почему – упала? Почему – пошатнулся? Кто хоть раз по-настоящему, всерьёз проанализировал причины? Общеизвестно: школа – зеркало общества. Но лично я думаю, многие беды современной школы связаны с тем, что она по своему преподавательскому составу стала в основном женской. Мне, например, известны школы, и таких немало, где нет ни одного мужчины-учителя. И это плохо, это ненормально! Это ведёт к всевозможным перекосам и перегибам, придает одностороннее направление всему школьному воспитанию.

Комсомол, «Комсомольская правда» давно уже зарекомендовали себя как инициаторы многих важных начинаний в нашей стране. А почему бы комсомолу и «Комсомольской правде» решительнее не взяться за привлечение юношей в педвузы? Почему бы жилищное, бытовое и прочее устройство молодых учителей-холостяков на селе – а оно там, за редким исключением, никуда не годится, – почему бы всё это не взять комсомолу в свои руки?

Великое это дело школа. Нет в нашем обществе фигуры более важной, чем учитель. И как тут не вспомнить слова моего старого Учителя, который любил в торжественные минуты говорить:

– Учитель – это человек, который держит в своих руках завтрашний день страны, будущее планеты.

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник: «Никогда не забуду первую встречу с Учителем» / Ф. А. Абрамов // Комсомольская правда. – 1976. – 10 февр.